

Мельникова Ирина Евгеньевна (МБУДО ЛДШИ)

ЛЕТОПИСЬ МОЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

К 180-летию со дня рождения Н. А. Римского- Корсакова.

Эта книга вышла в 1909 году после смерти композитора, дирижёра, педагога, музыкально-общественного деятеля Н.А. Римского- Корсакова. Композитор работал над ней на протяжении 30 лет, иногда с большими перерывами. При жизни композитора даже близким людям не было известно содержание рукописи. Летопись представляет собой выдающееся явление в мировой мемуарной музыкальной литературе и по своему содержанию, характеру, историческому значению занимает в ней особое место. Это не бесстрастная запись событий. Это опыт нравственного самопознания в традициях русской литературы, в традициях Толстого и Достоевского. А высокий этический строй его мысли роднит «летопись» с лучшими памятниками русской мемуарной литературы. Летопись нельзя рассматривать как биографию в полном смысле слова. Николай Андреевич говорит главным образом о событиях своей музыкальной жизни. Это рассказ об истории его сочинений, характеристика современников и русской музыкальной жизни почти за полувековой период. Встречающиеся в «летописи» откровения и строгие суждения о некоторых деятелях не могут никого оскорбить в силу того, что Николай Андреевич одинаково, если не более откровенно и строго судит о себе и своих поступках и музыкальных сочинениях. Например, в начале своей музыкальной карьеры Корсаков так характеризует себя: «Моя фортепианная подготовка была настолько далека от виртуозности, что с этой стороны я не представлялся ему (брату) как обладающий призванием к искусству со сколько-нибудь блестящей будущностью. Он был тысячу раз прав, смотря на меня как на дилетанта; я и был таковым». «Я был воспитанник-дилетант, немного играющий на фортепиано и царапающий что-то на нотной бумаге». Восторженную характеристику композитор даёт Балакиреву: «У него были и контрапункт, и чувство формы, и знания по оркестровке- словом, было всё, что требовалось для композитора. И всё это- путём громадной музыкальной начитанности, с помощью необыкновенной, острой и продолжительной памяти, так много значащей для того, чтобы разобраться критически в музыкальной литературе. А критик, именно технический критик, он был удивительный. Он сразу чувствовал техническую недоделанность или погрешность, он сразу схватывал недостаток формы, модуляции и т.п. ..., показывая как следует исправить или переделать произведение.» Высоко оценивая выдающиеся способности Балакирева, Римский-Корсаков отмечал и его слабые стороны: «При своём природном уме и блестящих способностях он не понимал одного: что хорошо

было для него в деле музыкального воспитания, то совсем не годилось для других, ибо эти другие не только выросли при иных обстоятельствах, чем он, но были совершенно другими натурами и развитие их талантов должно было совершаться в иные сроки и иным образом.» С этических позиций Николай Андреевич осуждал деспотичность требований Балакирева к ученикам: «Малейшее уклонение от направления его вкуса жестоко порицалось им с помощью насмешки, сыгранной им пародии или карикатуры унижалось то, что не соответствовало его вкусу в данную минуту,- и ученик краснел за высказанное своё мнение и навсегда или надолго от него отрекался.» Это касалось также и направления музыкального вкуса Балакирева, считавшего мелодию слабой стороной музыки, что не могло не отразиться на музыкальном вкусе его учеников, находившихся под его безграничным влиянием. Критически оценивает композитор педагогические возможности Балакирева. «Правильны ли были отношения Балакирева к его друзьям-ученикам? По-моему, безусловно неправильны. Действительно талантливому ученику так мало надо; так легко показать ему все нужное по гармонии и контрапункту, чтобы поставить его на ноги в этом деле, так легко его направить в понимании форм сочинения, если только взяться за это умеючи. Каких-нибудь 1–2 года систематических занятий по развитию техники, несколько упражнений в свободном сочинении оркестровке, при условии хорошего пианизма, и учение кончено. Ученик — уже не ученик, не школьник, а, стоящий на своих ногах начинающий композитор. Но не так было со всеми нами.»

Будучи воспитанником Морского училища, Римский-Корсаков отмечал пагубную для художественно-поэтического развития личности атмосферу этого заведения. «Это был вполне кадетский дух, унаследованный от николаевских времен и не успевший обновиться. Не всегда красивые шалости, грубые протесты против начальства, грубые отношения друг с другом, прозаическое сквернословие в беседах, циничное отношение к женскому полу, отсутствие охоты к чтению, презрение к общеобразовательным научным предметам и иностранным языкам, а летом в практических плаваниях и пьянство — вот характеристика училищного духа того времени. Как мало соответствовала эта среда художественным стремлениям и как чахло произрастали в ней мало-мальски художественные натуры, если таковые изредка и попадались, — произрастали, загрязненные военно-будничной прозой училища. И я произрастал в этой сфере чахло и вяло в смысле общего художественно-поэтического и умственного развития. Из художественной литературы я прочитал, будучи в училище, Пушкина, Лермонтова и Гоголя, но дальше их дело не пошло. Переходя из класса в класс благополучно, я все-таки писал с позорными грамматическими ошибками, из истории ничего не знал, из физики и химии — тоже. Лишь

математика и приложение ее к мореплаванию шли сносно.» И только познакомившись с Балакиревым, по его совету Николай Андреевич стал заниматься самообразованием, знакомиться с историей, изящной литературой, критикой. На старших курсах училища вокруг Римского-Корсакова собираются любители оперы, хорового пения, с которыми композитор разучивает хоровые пьесы, беседует о музыке.

По окончании Морского корпуса, Римский-Корсаков отправляется в заграничное плавание почти на три года. Во время путешествия композитор повидал разные страны, приобрёл глубокие впечатления от величественной красоты моря. Место событий настолько детально и красочно описано, что у читающего невольно возникает эффект присутствия. Вот как он описывает это в своей «летописи»: «Погода стояла довольно холодная и сырая; часто не было варки, так как клипер качало ужасно на громадных океанских волнах. Пересекая путь вращающихся штормов (ураганов), идущих в это время года из Антильского моря вдоль берега Северной Америки и заворачивающих поперек океана по направлению к берегам Англии, в один прекрасный день мы заметили, что входим в круг одного из таких ураганов. Сильное падение барометра и духота в воздухе возвестили его приближение. Ветер крепчал все более и более и менял постоянно свое направление от левой руки к правой. Развело громадное волнение. Мы держались под одним небольшим парусом. Наступила ночь, и виднелась молния. Качка была ужасная.» «мы пересекли теплое течение—Гольфстрим. Помню я, как мы были удивлены и обрадованы, выйдя утром на палубу и увидав совершенно изменившийся цвет океана: из зелено-серого он сделался чудным синим. Вместо холодного, пронизывающего воздуха сделалось +18°R, солнце и очаровательная погода. Мы точно попали в тропики, из воды каждую минуту выскакивали летучие рыбы. Ночью океан светился великолепным фосфорическим светом.» «Чудесен тропический океан со * своей лазурью и фосфорическим светом, чудесны тропическое солнце и облака;, но ночное тропическое небо на океане чудеснее всего на свете.» «Много неизгладимых воспоминаний о чудной природе далеких стран и далекого моря было вынесено мною из плавания.» В дальнейшем образ моря и изысканный мир Востока будет часто возникать в его произведениях. Это и музыкальная картина «Садко», и сюита «Шехеразада», и симфоническая сюита «Антар».

По возвращению клипера «Алмаз» из плавания Римского-Корсакова перевели в Петербург и для него началась береговая служба и петербургская жизнь. К музыкальным друзьям- Балакиреву, Кюи, Мусоргскому прибавился Бородин. «я познакомился с ним, и с этих пор началась наша дружба, хотя он был старше меня лет на десять. Я познакомился с его женой Екатериной Сергеевной. .. Бородину понравилась моя симфония, которую сыграли ему в 4 руки Балакирев и Мусоргский. У него же первая часть симфонии Es-dur

была еще не закончена. Я стал часто бывать у Бородина, оставаясь частенько и ночевать. Мы много толковали с ним о музыке, он мне играл свои проекты и показывал наброски симфонии. Он был более меня сведущ в практической части оркестровки, ибо играл на виолончели, гобое и флейте. Бородин был в высшей степени душевный и образованный человек, приятный и своеобразно остроумный собеседник.»

Идея создания оперы «Псковитянка» была предложена Римскому-Корсакову Балакиревым и Мусоргским. Не случайно на заглавном листе партитуры стоит посвящение оперы: «Дорогому моему музыкальному кружку». В это же время Мусоргский сочиняет оперу «Борис Годунов». Обе оперы создаются при неизменном интересе всего кружка и большой дружбе обоих авторов, которые в период окончания работы даже поселяются вместе. Композитор так описывает это в «летописи»: «...Наше житьё с Модестом было, я полагаю единственным примером совместного житья двух композиторов...В эту зиму мы оба много наработали, обмениваясь постоянно мыслями и намерениями.» Такой тесный контакт композиторов «Могучей кучки» позволил в дальнейшем Римскому –Корсакову дописать незавершённые произведения Мусоргского и Бородина.

Важным событием по словам Римского-Корсакова было приглашение директора Петербургской консерватории вступить в должность профессора по классу сочинения, инструментовки и руководителя оркестра. Со свойственной композитору скромностью и честностью сознаёт он свою неподготовленность к профессорской работе: « Если бы я хоть капельку поучился, если б я хоть капельку знал больше, чем знал в действительности, то для меня было бы ясно, что я не могу и не имею права взяться за предложенное мне дело, что пойти в профессора было бы с моей стороны и глупо и недобросовестно. Но я- автор «Садко», «Антара» и «Псковитянки», сочинений, которые были складны и недурно звучали, сочинений, одобряемых публикой и многими музыкантами,- был дилетант, я ничего не знал. В этом я сознаюсь откровенно и свидетельствую об этом перед всеми.» Поэтому приняв предложение и начав обучать молодых музыкантов, Римский-Корсаков сам начинает учиться, овладевать гармонической и полифонической техникой, сочиняя бесчисленное множество упражнений и фуг, изучая произведения старых мастеров. «... взявшись, начиная с 1874 года, за занятие гармонией и контрапунктом, познакомившись довольно хорошо с оркестровыми инструментами, я приобрел себе, с одной стороны, порядочную технику, развязал себе руки в собственном сочинении, а с другой —уже начал становиться полезен и своим ученикам как учитель-практик. Дальнейшие поколения учеников, переходившие ко мне от Иогансена, а впоследствии прямо начинавшие учиться у меня, действительно были моими учениками и, вероятно, не отрекутся от этого. Итак,

незаслуженно поступив в консерваторию профессором, я вскоре стал одним из лучших ее учеников, — а может быть, и самым лучшим, — по тому количеству и ценности сведений, которые она мне дала.» Ещё одним «музыкальным университетом» стало для Римского-Корсакова изучение партитур опер Глинки: «Занятия партитурами Глинки были для меня неожиданною школой. И до тех пор я знал и боготворил его оперы; но редактируя печатавшиеся партитуры, мне пришлось пройти фактуру и инструментовку Глинки до последней ничтожной мелкой нотки. Пределов не было моему восхищению и поклонению гениальному человеку....Я с жадностью вбирал в себя все его приёмы». Римскому-Корсакову всегда была присуща самокритичность. Зная свои пробелы в области духовых инструментов, композитор посвятил много времени их практическому изучению и даже пишет учебник. «Но зато я, вечно поверяя себя на практике в музыкантских хорах морского ведомства, а в теории трудясь над учебником, лично приобрел значительные сведения по этой части. Я узнал то, что знает всякий практик, военный капельмейстер-немец, но чего, к сожалению, совсем не знают композиторы-художники. Я увидел, что все то, что я раньше знал о духовых инструментах, было ложно и превратно, и с этих пор стал применять вновь приобретенные сведения к своим сочинениям, а также старался поделиться ими со своими учениками в консерватории и дать им если не полное знание, то ясное понятие об оркестровых инструментах.»

Закончив оперу «Снегурочка», композитор так оценивает себя: «Кончая «Снегурочку», я почувствовал себя созревшим музыкантом и оперным композитором, ставшим окончательно на ноги». Композитор продолжает развивать свою композиторскую технику. Работая над романсами и оперой «Моцарт и Сальери», Римский –Корсаков отмечает в летописи овладение новым приёмом: «..новый приём сочинения и есть истинно вокальная музыка., ...речитатив лился у меня свободно, впереди всего прочего, подобно мелодии последних романсов». В опере «Кашей Бессмертный» уже смелость гармонических приёмов, тональных сопоставлений.

Много времени Римский –Корсаков отдаёт завершению и редактированию сочинений своих скончавшихся друзей-Мусоргского и Бородина. Ещё при жизни он помогает Бородину. «Наконец, потеряв всякую надежду, я предлагаю ему помочь в оркестровке, и вот он приходит ко мне вечером, приносит свою начатую партитуру плясок, и мы втроем —он, А.К.Лядов и я, — разобрав ее по частям, начинаем спешно дооркестровывать. Для скорости мы пишем карандашом, а не чернилами. За такой работой сидим мы до поздней ночи.» Также и произведения Мусоргского : « все эти сочинения, за исключением никуда не пригодившихся набросков,

пересмотрены, отделаны, переоркестрованы, переложены для фортепиано мною и переписанные моей рукой сдавались по мере приготовления Бесселю, где и печатались под моей редакцией и при моей корректуре.»

Во время революционных событий 1905 года Римский –Корсаков проявил гражданское мужество, отстаивая права студентов, и был уволен из консерватории. Но как всегда оставался предельно скромным человеком: «Такое раздутое преувеличение моих заслуг и якобы необычайного моего гражданского мужества можно объяснить лишь возбуждением всего русского общества, которому хотелось в форме обращения ко мне выразить во всеуслышанье накопившееся негодование против правительственного режима. Я был козлом отпущения. Чувствуя это, я не испытывал удовлетворяющего мое самолюбие волнения. Я ждал лишь, скоро ли окончится все это.»

В «летописи» композитор выразил многообразие своих жизненных стремлений, направлений и целей достижений. Описал постепенное восхождение от композитора-дилетанта до зрелого мастера, автора большого количества различных по жанру опер, крупнейшего мастера инструментовки, новатора в области гармонии, создателя композиторской школы (свыше 260 учеников) и учебников. Всё это изложено искренне, порой с тонким юмором, с ускользающими намёками и предположениями. Чтение захватывает и не оставляет равнодушным.